

Павел Игоревич Костокрызов
Институт философии и права УрО РАН
Россия, Екатеринбург
pkostogryzov@yandex.ru

НАРОД КАК ИСТОЧНИК ВЛАСТИ И КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация: анализируя концепцию Д. А. Авдеева об эквивалентности терминов «народ» и «избиратели», автор приходит к выводу о неоднозначности понятия «народ» в конституционном праве.

Ключевые слова: народ, источник власти, избиратели, электорат, конституция

Одним из ключевых и наиболее дискутируемых вопросов науки о государстве является вопрос об источнике власти. Он, пожалуй, столь же древен, как и сама эта наука. Как и все вопросы такого рода он вряд ли может быть разрешен окончательно, поскольку является по существу мировоззренческим. В современном мире господствует, хотя и не безраздельно, теория, выводящая власть государства из воли народа или нации. Именно из этого основополагающего принципа исходит и действующая Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 3).

Таким образом, категория «народ» – одна из основополагающих для науки конституционного права и поэтому нуждается в тщательном изучении. Такие исследования неоднократно предпринимались отечественными учеными, как юристами, так и философами [Фан, Черепанов и др.].

Интересный подход к конституционно-правовому определению понятия «народ» предлагает Д. А. Авдеев [1]. Он настаивает, что «правильнее было бы считать источником власти не весь народ, а только лишь ту его часть, которая именуется избирателями» предлагая, таким образом, отождествить понятие народа как источника власти с электоратом, то есть совокупностью граждан, обладающих активным избирательным правом [1, с. 16–17]. При этом он вводит

термин «фактический источник власти» [1, с. 17], каковым считает лишь ту часть электората, которая действительно принимает участие в голосовании. Сразу же заметим, что эта последняя категория скорее политологическая, чем юридическая и должна рассматриваться в рамках политической науки, тогда как отношения власти в государстве в правовом смысле должны носить более фундаментальный, а следовательно долговременный характер и не могут ставиться в зависимость от процента явки избирателей на каждом конкретном референдуме или выборах. Фактические же властеотношения могут отличаться (и на практике почти всегда в той или иной степени отличаются) от юридических. Так, фактическим источником власти военно-диктаторских режимов является вооруженная сила (армия), но ни одна военная диктатура не заявляет об этом факте открыто в конституции. Очевидно, это осознается и самим автором, поскольку он, вскользь упомянув «фактический источник власти», подробно не останавливается на этом понятии.

Гораздо больший интерес для конституционного права представляет идея Д. А. Авдеева о тождественности народа как источника власти избирательному корпусу. Развитие этой мысли приводит к некоторым важным следствиям.

Итак, народ представляет собой совокупность всех граждан, обладающих активным избирательным правом. Очевидно, что в его состав не входят иностранцы, лица без гражданства и несовершеннолетние граждане. Не входят в него и граждане, признанные судом недееспособными, а также приговоренные к лишению свободы, так как они лишены избирательных прав. Нахождение в местах лишения свободы ограничено определенным сроком, состояние недееспособности может прекратиться по решению суда. Получается, один и тот же человек то входит в состав народа, то выбывает из него по мере выносимых судом решений и освобождения из заключения. Соответствует ли такая нестабильность персонального состава фундаментальности понятия «источник власти»?

Возникает и еще ряд частных, но с теоретической точки зрения не менее важных вопросов. Например, такой: если приговор к лишению свободы был отменен, и незаконно осужденный реабилитирован, то был ли он членом народа во время отбывания несправедливого наказания или нет?

Но основное соображение, которое не позволяет нам согласиться с концепцией «народ = избирательный корпус», вот какое: суд,

приговаривая гражданина к лишению свободы, реабилитируя его или освобождая условно-досрочно, тем самым определяет состав источника власти. То есть одна из ветвей власти решает, от кого ей «проистекать»! На наш взгляд, это противоречит самому понятию источника власти.

Кроме того, государственный строй определяется не только голосованием, но и иными политическими действиями народа – от мирных протестов до свержения одной власти и учреждения другой. А тут уж неважно, обладает ли человек избирательными правами, часто именно лишённые этих прав играют в событиях такого рода бóльшую роль, чем избиратели.

Да и в спокойные периоды власть определяется не только голосованием, но и всем политическим поведением народа, прежде всего – повиновением существующей власти, признанием ее легитимности и т. д. А в этом участвуют и заключенные, и недееспособные, и даже несовершеннолетние. То есть не только избиратели, но все граждане, живущие в стране.

Но правомерно ли сводить народ – в этом именно смысле, как источник власти – только к нынеживущим? Ведь существующий в той или иной стране на данный момент государственный строй сформировался исторически в результате деятельности нескольких поколений людей. И политическая воля уже ушедших граждан легитимирует его не в меньшей, а возможно и в большей, степени, чем живых. Обычно народ понимается как единство прошлых, нынешних и будущих поколений. Именно так его рассматривали и авторы тех конституций, в которых он прямо или косвенно провозглашается источником власти, например, США («Мы, народ Соединенных Штатов...») и Российской Федерации («Мы, многонациональный народ Российской Федерации...»). Здесь речь идет явно не об избирательном корпусе, хотя бы потому, что избирательное право определяется самой принимаемой конституцией, т. е. состав избирателей, утверждающих конституцию на референдуме (или выбравших орган, уполномоченный на ее принятие) может отличаться от того, который сформируется в стране после ее введения в действие.

С другой стороны, конституции содержат положения, определяющие политические права народа. К таким конституционным правам относится, например, право формировать путем выборов органы власти и местного самоуправления. Носителем этих прав

является именно избирательный корпус. И в этом случае отождествление народа с электоратом вполне правомерно. Здесь можно согласиться с Д. А. Авдеевым, который вводит понятие «народ как субъект конституционного права» и постулирует его полное совпадение по смыслу с понятием «избиратели».

Неизбежен вывод о необходимости разведения двух значений слова «народ», употребляемого в конституционных текстах: как субъект конституционного права и как источник власти. В первом значении «народ» совпадает с электоратом, во втором – представляет собой нечто большее и трудноопределимое на юридическом языке. Д. А. Авдеев предлагает оставить в конституционном законодательстве слово «избиратели», заменив им «термин „народ“, имеющий скорее схоластический характер, нежели сугубо юридический» [1, с. 17].

Нам представляется возможным менее радикальное решение проблемы. Конституционное право, как и право вообще, представляет собой незамкнутую систему. Это значит, что оно не строится только и исключительно «само из себя», а имеет надконституционные, метаюридические основания. И именно вопрос об источнике власти зримо обнажает одно из таких оснований. Поскольку источник власти является вместе с тем и источником (в материальном смысле) конституции, сам он конституционно определен быть не может. А значит, не может и быть исчерпывающе познан средствами конституционно-правовой науки. Конституционные тексты (и вслед за ними конституционно-правовая наука) лишь **называют** этот источник. Его непротиворечивое описание и дефиниция – задача для более широкого спектра общественных наук. Вот почему это понятие вызывает такой дискомфорт у тех юристов, которые стремятся к построению «чистой» теории права (в данном случае – конституционного), представляется им «схоластическим».

Познавательные возможности всякой отрасли науки имеют предел. И там, где наука его достигает, она должна прибегать к помощи смежных дисциплин. Понятие «народ как источник власти» как раз и является предельным для конституционно-правовой науки. Оно относится к более высокому уровню абстрагирования и образует одну из ее метакатегорий.

Что же касается понятия «народ как субъект конституционного права», вынесенного в заглавие статьи Д. А. Авдеева, то оно полно-

стью входит в предмет конституционного права и именно им оперируют законодатели, когда определяют политические права граждан.

На наш взгляд, следует не избегать использования термина «народ», а учитывать его неоднозначность. В преамбулах и основополагающих статьях конституций, где определяется носитель суверенитета или источник власти, оно имеет одно значение, а в положениях, закрепляющих порядок выборов органов власти и иные политические права граждан – другое. И именно второе, узкое значение слова «народ» эквивалентно «избирателям» или «электорату».

Список литературы

1. Авдеев Д. А. Российский народ как субъект конституционного права // Конституционное и муниципальное право № 11. 2017. С. 14–17.
2. Фан И. Б. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург, 2018.
3. Черепанов В. Мы, многонациональный народ Российской Федерации... // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2018. № 5. С. 126–137.

Pavel Kostogryzov

Institute of Philosophy and Law,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Russia, Yekaterinburg

pkostogryzov@yandex.ru

PEOPLE AS A SOURCE OF AUTHORITY AND AS A SUBJECT OF CONSTITUTIONAL LAW

Abstract: analyzing D. A. Avdeev's concept of equivalence of the terms «people» and «electorate», the author comes to the conclusion that the concept of «people» is ambiguous in constitutional law.

Key words: people, source of power, electorate, constitution